

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 140.8; 008

DOI: 10.25991/3033-604X.2026.20.24.009

Р. В. Сундуков*

ПАМЯТЬ ПОКОЛЕНИЯ: МНЕМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОКОЛЕНЧЕСКОЙ И ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

***Аннотация:** Целью данной статьи является обоснование приоритета мнемического подхода к проблематике поколения, позволяющего соотнести друг с другом историческое развитие поколений и процесс социального совершенствования обращения с памятью человеческих сообществ. На первый план выдвигается вопрос о значении памяти поколения и феномена мнемо-археологического горизонта, лежащего в ее основании для формирования поколенческой и цивилизационной идентичности. Методологической установкой такого анализа выступает критика логики несоразмерности отношений индивида и общества в изучении памяти и поколений с позиций истории, системного анализа и ценностного подхода к социальным практикам и свершениям человека. В отличие от очевидных мнемонических средств и форм сохранения культуры, глубинные мнемические характеристики обращения к памяти отсылают ко всей истории памяти поколений и вместе с тем обретают специфическую актуальность в каждой новой генерации людей. В статье анализируются синхроническая и диахроническая составляющие мнемической системы поколений: подчеркивается роль социализирующего опыта первичных воспоминаний в ходе освоения традиции для понимания развития памяти поколений и место мнемо-археологического горизонта*

* Сундуков Роман Владимирович — старший преподаватель кафедры философии, социологии и психологии управления Нижегородского института управления (филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации); r.sundukov@mail.ru

Sundukov Roman Vladimirovich — senior lecturer of department of Philosophy, sociology and psychology of management, Nizhny Novgorod Institute of Management (branch of Russia Academy of National Economy and Public Administration under President of Russia Federation); r.sundukov@mail.ru

социально-исторической памяти новой генерации в том, как «устроена» поколенческая память. Это позволяет обозначить наиболее важные этапы в истории поколений, рассмотренной с точки зрения развития социально-исторической памяти, характеризуя особенности и способы формирования мнемической системы поколений. Перспективы синтеза различных этносов и культур, заложенные в конституции поколений и в их памяти, открывают продуктивность аналогии между развитием цивилизаций и последовательностью возрастных задач поколения.

Abstract: *The purpose of this article is to substantiate the priority of the mnemonic approach to the problems of generation, which makes it possible to correlate with each other the historical development of generations and the process of social improvement of the treatment of the memory of human communities. The question of the significance of the memory of the generation and the phenomenon of the mnemo-archaeological horizon, which lies at its base for the formation of generational and civilizational identity, is highlighted. The methodological setting of such an analysis is a criticism of the logic of the disproportion of the relations of the individual and society in the study of memory and generations from the standpoint of history, systemic analysis and the value approach to social practices and human achievements. Unlike obvious mnemonic means and forms of cultural preservation, the deep mnemonic characteristics of memory access refer to the entire history of generational memory and at the same time acquire specific relevance in each new generation of people. The article analyzes the synchronous and diachronic components of the mnemonic system of generations: the role of the socializing experience of primary memories in the course of mastering the tradition for understanding the development of the memory of generations and the place of the mnemo-archaeological horizon of the socio-historical memory of the new generation in how the generational memory is “arranged” is emphasized. This allows us to identify the most important stages in the history of generations, considered from the point of view of the development of socio-historical memory, characterizing the features and methods of forming the mnemonic system of generations. The prospects for the synthesis of various ethnic groups and cultures, laid down in the constitution of generations and in their memory, open up the productivity of the analogy between the development of civilizations and the sequence of age-related tasks of a generation.*

Ключевые слова: *память поколения, мнемическая система поколения, ди-ахронические и синхронические аспекты памятования, мнemo-археологический горизонт, возрастные задачи поколения, поколенческая идентичность, цивилизационная идентичность.*

Keywords: *generation memory, generation mnemonic system, diachronic and synchronous aspects of remembrance, mnemo-archaeological horizon, generation age tasks, generational identity, civilizational identity.*

Прикладной характер современного социального и этического знания проявляется в растущем интересе к социально-философским проблемам соотношения личностной и цивилизационной (этнической, социальной)

идентичности, связи преемственности и изменчивости в процессе социально-исторического развития, традиции и опыта, наконец, единства индивидуальной и коллективной (социально-исторической) памяти. Существенным затруднением для концептуального решения этих проблем выступает асимметричность отношений индивида и общества как следствие иерархичности системных связей существующего социального порядка и представления о несоразмерности рассматриваемых сторон. Помимо эпистемологического, эта ситуация носит и этический характер. Истина, программируемость социального полагается на полюсе структурных и институциональных элементов общества, а само отношение социального целого и индивида предстает воспитательным, предписывающим нормы и правила. Однако исключительно патерналистское отношение общества и государства к индивиду вряд ли может быть этически оправданным и послужить определению перспектив процесса идентификации. Несоразмерность сторон данного отношения затрудняет выявление потенциала как социализирующего воздействия общества на кардинальные способности человека, так и изменений социальных связей индивида и границ идентичности в составе тех или иных сообществ. Обращение к проблеме социально-исторической памяти — может быть, самый эффективный способ открыть взаимосвязь активности индивида и социума, смену позиций иницирующего и иницируемого, процессы их смыслового взаимообогащения и ценностного переутверждения.

Высокий уровень концептуальной раздробленности мемо-исследований требует уведомления относительно теоретико-методологических оснований, на которых строится исследование. В нашем случае речь идет о подходе, ориентированном на создание целостной философской теории социальной памяти [5], в которой одним из ее концептуально значимых элементов выступает понятие «объемлющий строй социальной памяти» [6]. Взаимозависимость памяти сообщества и его идентичности привычно ограничивают действием мемориального канона, сложившегося в результате манипуляции с образами прошлого [4, с. 143] и ее авторизации, однако перипетии такого зафиксированного отношения к своей истории сами выступают как производные социально-мнемических процессов, в том числе и памяти поколений. Восприятие социальной памяти как объемлющего строя позволяет ввести в действие социальных сил феномен бытования, а также ценностно значимые усилия конкретного индивида и вернуть ему субъектность личностного, идентификационного процесса.

Это помогает во многом уточнить роль социальной системы, ее институтов и организаций в политике идентичности. Политическое значение оказывается тесно увязанным со всей историей, с широким кругом собственно человеческой активности, в том числе и с формами памятования. Такое расширенное понимание политических феноменов достигается при переходе от структуралистского к динамическому рассмотрению политического, помещающего его на почву действий и различных форм практики, содержащих в своей сущности не только поддержку, но и оспаривание установленного порядка [3, с. 7–10].

Политическая антропология учитывает историю формирования, внутренних напряжений и изменений социальной системы, роль различных подсистем и элементов, имеющих неодинаковый возраст и порождающих своей гетерогенностью частичные несоответствия и перспективу «открытости» в реализации социального целого. Подобное формирующее влияние на отношение общества и индивида оказывают специфические социально-исторические феномены, которые нельзя отделить от конкретных индивидов, конкретного времени и пространства, наконец, от констелляции социальной и культурной памяти. К числу указанных опосредующих социально-исторических сущностей можно отнести семью, этнос, живой язык, социальную группу, регион и поколения (генерации) людей. Как объекты социального познания они занимают надперсональный уровень и обладают рядом замечательных качеств — многоаспектности, конкретности, историчности, единства объективного и субъективного характера и т. д. Существование этих интегрирующих форм социальности — предпосылка многообразия человеческих практик, процессов идентичности, преемственности и культурной памяти.

Несмотря на то что все названные выше сущности так или иначе связаны с мнемическими процессами, именно поколение обнаруживает с наибольшей силой значение мнемических новаций для развития социума и изменение роли конкретных индивидов и их взаимодействий в отношении с обществом. В процессе социализации индивид вместе с поколенческим статусом приобретают возможность участия как в рецепции традиции и истории, так и в программировании общественного развития.

Память поколения — это не просто описательное понятие, дающее представление о некоторых обстоятельствах, конкретизирующих информированность той или иной генерации людей с точки зрения ее объективной возможности и субъективных предпосылок. Понятие памяти поколений имеет решающее значение для самого понятия поколения, которое преодолевает свое узко-демографическое, сугубо социологическое и неисторичное толкование. Действительно, на первый взгляд границы фактического рождения и существования социально-возрастных когорт, очерчивающие один и тот же феномен поколения на всем протяжении истории, мало что говорят о сложнейших вопросах традиции и новаций, различий и идентичностей. Однако специфика того или иного поколения не может быть сведена к демографическим показателям, которые моделирует лишь одну из сторон поколенческих процессов. И прежде всего потому, что в поколении и в группе сосуществующих поколений сообщество выражает себя целиком, в совокупности различных аспектов, объединяет каждого из живущих людей, формирует такой уровень общности, который надстраивается над другими аспектами существования.

Еще одним преимуществом поколения в качестве объекта изучения мнемических процессов является то, что с поколением тесно связана динамика социальной и культурной жизни в истории. Каждая новая генерация людей естественным образом несет в себе одновременно задачу преемственности

и перспективу обновления, переутверждения всех моментов социального целого. Говоря шире, поколение как никакой другой опосредующий социальный феномен тесно связан со временем, придающим исторический характер и динамику остальным аспектам социального бытия возрастных когорт. Время выступает условием моделирования сознания поколений, высвобождая своей протяженностью «место» для схематизма восприятия течения времени, для выстраивания особого отношения к прошлому, идентичности и социально-исторической памяти. Темпоральные феномены поколений, эстафеты поколений в границах тех или иных сообществ, ответственные за поколенческую преемственность и социализацию, открывают дополнительные возможности для исследования мировоззренческих компонентов поколенческих процессов: культурной памяти, традиции, ценностных установок, стилей жизни, социальной ответственности, политической культуры и цивилизационной идентичности.

В современном социальном знании утвердилось три базовых прочтения понятия поколений: 1) генеалогическое понимание, связанное с семейными поколениями, с социализацией, образованием и мобильностью; 2) значение синонимичное «когортам по рождению» или «возрастным группам», живущим в течение определенного периода времени; и 3) понимание с точки зрения их осмысления как социальных, культурных или исторических феноменов, в которых само понятие «поколения» зависит от существования общей поколенческой идентичности и самосознания [21, с. 298]. При всех достоинствах этого аналитического разделения становится очевидным необходимость такого признака поколений, который смог бы объединить все эти понимания. Для исследования памяти поколений одинаково важны и семейная память, и социальные феномены возрастных когорт, и социокультурные формы памятования.

Вне этого объединяющего мнемического измерения феномен поколения приобретает произвольную односторонность. Генеалогическое истолкование поколения замыкается переописанием семейных ролей или постулирует передачу по наследству «готового» потенциала как линию преемственности, не связанную с жизненным опытом [8, с. 80–81]. Социокультурный феномен поколения в романтико-исторической традиции его рассмотрения подчиняет его качественному анализу данной исторической эпохи, субъективного переживания времени.

Собственно социологический подход начиная с К. Мангейма видит в поколениях автономные социальные общности, объединенные общей исторической судьбой и схожим историческим опытом. Причем Мангейм сравнивает местоположение поколения в обществе с социальным неравенством [10, с. 25] и дополняет биологическое основание существования поколений социологическим описанием роли социальных отношений в складывании модели поведения представителей поколения. Выявляя черты поколения по контрасту с воображаемым обществом, в котором бы «всегда жило одно несменяемое поколение», социолог подчеркивает факт перехода от одного поколения к другому как постоянный процесс. Мысль Мангейма скрывает в себе пара-

докс — движение в понимании поколения от биологии к социальности приводит к противоположному тезису об определяющем характере естественного процесса появления новых участников и ухода людей из жизни, выступающего источником и условием социальной энергии. «Свежий контакт» рождающихся поколений с социальным и культурным наследием — более радикальный, чем социальный сдвиг, — носит у него биологический или витальный характер. Довод «несменяемого поколения» оборачивается утверждением неизменности не столько высших качеств жителей Утопии, как полагал Мангейм, сколько самих представлений о естественном характере социальных поколений, и исключает какую-либо исторически радикальную перемену в его сущности.

Обращение к памяти в анализе фактов поколенческого процесса у Мангейма очень специфично — он говорит лишь о связанной со сменой поколений способности осуществлять переоценку «инвентаря», т. е. способности забывать бесполезное и стремиться к новым достижениям. Память привычно выглядит как нечто спонтанное, связанное с неосознанным выбором, уступающее рациональной проблематизации и созданию для себя совокупности знаний — «целесообразной памяти». Память прошлых поколений оказывается препятствием или балластом на пути новых обретений. Обращаясь к внутренним различиям действенности памяти, Мангейм вплотную подошел к решающему противопоставлению форм работы памяти, но критерий рационализации и личностной осознанности в границах персоны искажил у него смысл такого противопоставления. «Разница (между целесообразной и персонально приобретенной памятью. — *P. C.*) проистекает из того, приобретаю я свою память в процессе развития личности или же просто беру ее откуда-то еще» [10, с. 30]. Это напоминает оппозицию в формуле геурематографической традиции «обучение (подражание) — открытие» [7, с. 22–24, 44–74], которая многие столетия определяла идеал знания. Мангейм, вместо того чтобы с ценностной точки зрения провести различие обретения памяти в ходе первооткрытия и в результате использования мнемонических практик в процессе обучения, сталкивает крайности межпоколенной оппозиции, отдавая предпочтение прагматичным усилиям более молодого поколения перед предшествующими поколениями как усилиям индивидуальности перед блокирующей инерцией общества. Рационалистические критерии социальной эффективности личной памяти, личностной идентичности и персонального опыта придают поколению преимущественно конъюнктурное значение во взаимосвязи преемственности и инноваций.

Логика несоразмерности отношений индивида и общества приводит к противопоставлению индивидуальной памяти и коллективных форм памяти. М. Хальбвакс, обосновывая существование надиндивидуальной памяти, подчеркивал значение группового поведения и социальных характеристик групп, к числу которых он отнес и поколенческие характеристики. Однако тематизация коллективной памяти в рамках социально-ролевого подхода только укрепила тезис о персональном характере собственно памяти. Получило распространение представление о непреодолимом различии между биографической и коллек-

тивной памятью, о «недостатках» памяти перед лицом стремящейся к объективности истории. С этой точки зрения индивиду нужно преодолеть «барьер» биографической памяти для обретения коллективной идентичности. Концепт памяти поколения привносит в эту упрощенную картину момент радикальной «сборки», связующего звена между индивидом и обществом. Социально сконструированная и укорененная в традиции коллективная память может обрести для себя более глубокое основание в истории, если мы рассмотрим ее как часть единого процесса социализации мнемических способностей человека, связанного с конкретными событиями обращения с памятью. Подобный подход выгодно отличает концепцию социальной памяти Аби Варбурга. Она опирается на представление о потенциальной энергии образа как средства передачи памяти и подчеркивает взаимодействие массовых эмоций и индивидуального пафоса [5, с. 255, 261].

Дальнейшее развитие социологического подхода к поколению идет по пути все большей дифференциации способов социального становления внутри поколения, опираясь на понятия «возрастной солидарности», «селективной преемственности», семьи и биографии. На первый план выходит проблематика социальных изменений, межпоколенческого конфликта или контракта, дискурсивного анализа поколений [14, с. 51–73]. Нетрудно заметить здесь снижение требований к рациональному выбору индивида, а значит, и значения социальной реализации поколений, которые ставятся в зависимость от бесконечной игры смыслов в социальном и политическом дискурсе. Социология поколений и связанные с ней социальные науки, используя когортный подход в изучении поколений, произвольно приспособливают объекты изучения к конкретным задачам исследования.

Современные поколенческие исследования справедливо рассматривают концепт поколения как наиболее подходящий для снятия противоречий между макросоциальными данностями и микросоциальными отношениями [9, с. 347–370]. «Поколения образуют комплексную систему взаимосодержащих социально-временных структур и отношений» [9, с. 364]. Но даже при таком подходе к поколению сказывается инерция предпочтения индивидуального опыта поколенческой принадлежности, ее множественности и открытости межпоколенческим влияниям, что ведет к пониманию поколения как социальной конъюнктуры, учитываемой в межпоколенческой политике для достижения соответствующего порядка и справедливости.

К схожим выводам приходят и исследователи коллективной памяти, связывая ее с групповой идентичностью и задачей продемонстрировать и усилить у членов сообщества чувство его длительного существования в истории [11, с. 41]. Джеффри Олик, модернизируя этот взгляд, подчеркивает множественный и процессуальный характер коллективной памяти. Однако на деле он оставляет в силе логику несоразмерности памяти индивида и памяти общества, когда сводит феномен коллективной памяти лишь к относительным обстоятельствам процессов воспоминания, к «фигурациям памяти», т. е. меняющимся отноше-

ниям между прошлым и настоящим, в которых увязываются образы, контексты, традиции и интересы [11, с. 46]. Память поколений, напротив, свидетельствует о социальном процессе развития мнемических способностей человека и о том, что в основании этого процесса нельзя видеть лишь изменчивое сочетание социально-групповых, узко-политических и идеологических позиций.

В анализе социальных поколений, под которыми понимается социально сконструированная коллективность, подчеркивается их связь с концепцией социального времени и хронологического сознания [19, с. 1–18]. Ряд исследователей видят в новых поколениях не только явления, инициированные изменениями общества, но и источник будущей социальной стабильности. Ценности таких поколений и общее понимание социальной реальности предоставляет ресурсы для рефлексивного выстраивания идентичности [18, с. 249–272; 20] и солидарности, оказывающие синхронизирующее и гармонизирующее влияние в течение ряда десятилетий [21, с. 300].

Для исследований собственно связи поколения и поколенческой памяти характерно то, что они берут поколения как еще одну социальную общность людей. Подчиненная интересам самоутверждения группы коллективная память в настоящем подгоняется группой под исторически обусловленные потребности и становится объектом критики и коррекции со стороны общества. Феномен поколения лишь уточняет пространственные и временные границы повторного интерпретирования прошлого как реализацию коллективного памятования [1, с. 40–67]. Говард Шуман и Жаклин Скотт в дополнение к социальному анализу групп фиксируют в своем исследовании социально конструируемую общность памятования у поколений людей, переживших в определенном возрасте события войны [16, с. 47–60]. Рон Айерман в приведенной выше статье увязывает наследование коллективной памятью нарративной и вещественной традиции и групповую идентичность с культурной травмой. Память об утере идентичности включает не только непосредственный опыт переживания, но и не пережитое, но репрезентируемое в общем восприятии прошлого несколькими поколениями. Айерман ссылается на Джеймса У. Пеннибекера, Хуана Х. Игартуа и Дарио Паэса, останавливаясь на цикличности поколенческой памяти и на понятии поколенческих сдвигов. Прошлое, в том числе и травмирующее, может быть зафиксировано в коллективной памяти, а затем в группах, появляющихся для защиты общества и его солидарности, чтобы в последующем стать публичной памятью, т. е. официально признанной. Вопрос в том, можно ли по-настоящему понять мнемические новации в поколенческом процессе и происходящее каждые 20–30 лет попытки переосмысления прошлого, ориентируясь исключительно на прагматику общественных интересов, а не на ценностную высоту конкретных человеческих свершений.

Д. Олик и Д. Роббинс в своей более ранней статье [22, с. 123], отталкиваясь от мнения Хальвакса о роли семьи в обретении персональной и социальной памяти, приводят тезис Эвиатара Зерубавеля о «мнемонической социализации» в «мнемоническом сообществе» [23, с. 283–300]. Зерубавель отмечает, что

большая часть интерпретируемых в последующем ранних «воспоминаний», полученных и закреплённых памятью в контексте семьи, не были отражением собственно индивидуальных переживаний. Переходя к поколению как к теме взаимосвязи индивидуальной и коллективной идентичности, Олик и Роббинс соотносят его с разделяемым всеми членами поколения переживанием социальных и политических событий. Однако и в семье, и в поколении человек, стремясь к целостности смысла и ценностному выбору, встречается со всем прошлым, независимо от средств и конъюнктур такой встречи.

Определяющей чертой единого поколенческого процесса в истории, с нашей точки зрения, выступает мнемическое измерение феномена поколения. Рассмотренное как мнемическое понятие, поколение предполагает целый ряд своеобразных режимов социально-исторической памяти, последовательно формирующих поколенческий процесс в целом, т. е. проясняющих его историческую перспективу. Вариативность порядков памятования, осуществляемых различными поколениями, открывает нам историческую изменчивость феномена поколения. С другой стороны, именно поколение как социально-исторический феномен, взятый с точки зрения его исторических форм, позволяет проследить динамику развития социально-исторической памяти. Посредством совершенствования функции памятования происходит изменение социальной роли поколения.

Динамика развития памяти сообщества определяется взаимодействием нескольких факторов социально-мнемических процессов, связанных со сменой поколений и с многообразием истории — ее временными и пространственными характеристиками, глобальными тенденциями, случайностью и событийностью. Это привносит в общий строй социально-мнемических процессов многоаспектность и неравномерность. Однако в конкретных вариантах обращения с памятью мы находим действие определенной социальной мнемической системы поколения. Среди ее элементов прежде всего можно выделить те, которые связаны с диахроническим и синхроническим аспектами памятования. Их нельзя свести к различию культурной и коммуникативной памяти [2, с. 52–59], так как дело не в содержании или источниках исторической информации. Синхроническими и диахроническими выступают в мнемической системе поколения способы обращения к памяти и работы с ней, выработанные в обществе социальные средства и формы памятования, которые становятся все более значимыми для индивида и социума.

Диахроническим здесь выступает не попытка удержать в едином представлении последовательность исторического развития какого-либо объекта, а инициированный необходимостью обучения и воспитания каждого нового поколения процесс первичного перенимания и актуализации традиции как констелляции актов успешного воспоминания, востребованных социумом. Первичность опыта воспоминания для ребенка, как и для его сверстников, подобна столкновению с новым местом, «куда не ступала нога человека», с чем-то совершенно никем не тронутым, подобна открытию или изобретению

нового или, по крайней мере, знакомству с новым для индивидуума знанием. Об этом оптимальном опыте памятования говорил и Мангейм, когда отмечал определяющее влияние «первых впечатлений» или «детских переживаний», которые получают в молодости, на протяжении всей жизни. В отличие от социологического мнемической подход к поколению отдает предпочтение изучению не столько результатов социализации и социальных позиций молодежи, сколько самого процесса складывания первичных констелляций актов памятования у нового поколения, которые имеют необходимо мировоззренческий и ценностный характер. При этом социализирующий опыт воспоминания изначально несет в себе опыт предшествующих поколений, рождая посредством «представления нового человека» поток итераций личностной, социальной и цивилизационной идентичности. У каждого поколения констелляции актов социализирующего воспоминания возникают в пространстве особой «*tabula rasa*», в протопространственной структуре, и поэтому обладают мнемическим потенциалом диахронического принятия мира.

Синхроническая составляющая мнемической системы — это не «срез» содержательных отчетов того, что в какой-то момент или период времени находится и удерживается в памяти различными акторами поколения, которые задействуют результаты памятования в своей деятельности. Напротив, это предельно объемлющий временные измерения, особый мнemo-археологический горизонт, присущий каждому поколению или группе поколений. Обращение к понятию археология памяти ведет нас к использованию метафоры «слоев» памяти поколений, которые в принципе доступны своему обнаружению и освоению («расшифровке») в силу потенциальности самой памяти, приобретающей в истории социальные формы. Подобно тому как историческая наука и археология заимствует метод геологической стратификации, к памяти человечества тоже может быть применен стратиграфический способ упорядочивания. Но, кроме модели естественных отложений пород, годовых колец растений или родовых «колен», мнemo-археологические горизонты отсылают нас к метафоре «ступеней» растущих вверх сооружений, указывая на значение ценностного критерия совершенствования памяти. Составляя глубинный уровень социально-мнемических процессов, существование и смена «слоев» памяти поколений задает особое мнемическое измерение истории и позволяет существенно углубить наше понимание динамики развития социально-исторической памяти. Содержание и характерные черты таких мнemo-археологических горизонтов поколений легче себе представить, отталкиваясь от понятия археологического горизонта, когда предлагается рассматривать различные доисторические культуры, их границы и миграции, если перефразировать автора, «с горизонта» ограниченного набора типов артефактов [17, с. 184]. Дэвид Энтони, разъясняя свой выбор понятия «горизонт» в этой связи, а не понятий «археологическая культура» или «культурно-историческая общность», дает нам важнейшие подсказки в попытке охарактеризовать мнemo-археологический горизонт. Во-первых, он определяет археологический

горизонт как стиль материальной культуры, традиций и обычаев, который получил широкое географическое распространение, зачастую накладываясь на локальные археологические культуры, порождая свои региональные варианты и основание для дальнейшей дифференциации [17, с. 184–185, 421]. Как стилевой горизонт он менее прочен и не обладает целостностью культуры, он никогда не выступает «абсолютно гомогенным даже в материальном отношении» [17, с. 419]. Мнемо-археологический горизонт поколения или группы поколений отличается подобными признаками: широким или всеобщим географическим распространением, отсутствием гомогенности и приоритета определенных культурных форм мировоззренческих представлений. Можно сказать, что он, формируясь на глубинном уровне мнемонической активности, отражает конкретные события, свершения и изменения разного свойства, так или иначе связывая их с обычаями, предельными ориентирами мировосприятия и ценностными установками. Мнемо-археологический горизонт поколения или группы поколений служит основанием для относящейся к конкретным культурам дифференциации горизонтности социально-исторической памяти тех или иных сообществ, в том числе и для формирования горизонта культурной памяти. Во-вторых, Д. Энтони, говоря о конкретных археологических горизонтах, подчеркивает нейтральность термина «горизонт» в отношении культурной идентичности [17, с. 424]. Мнемо-археологический горизонт обладает в этом отношении макроисторической перспективой, задавая в единстве с пафосом диахронии сначала границы поколенческой идентичности, а затем объединяя всех людей как представителей единой цивилизации.

Таким образом, с точки зрения развития памяти поколения важным предстает не столько последовательность во времени элементов исторического прошлого, сколько актуализация изначального воспоминания, замыкающего собой все прошлое. Это радикальное усилие, связанное с индивидуальным пафосом жизненно важного свершения, которое привносит в разделяемое различными генерациями людей представление об истории новый смысловой аспект. И наоборот, с точки зрения «устройства» памяти поколения решающим оказывается не универсальная модель ее функционирования, а как раз ее специфика для каждого поколения или группы поколений, которая характеризует совокупную социально-историческую память определенного поколения как предельную в темпоральном смысле панораму истории, заключающую в себе особенности представлений и ценностных ориентиров.

В первобытных сообществах охотников и собирателей, численность которых значительно уступала демографическому порогу неолитических общин, а продолжительность жизни была крайне низка, первичная социальная мнемическая система по сути совпадала с ситуацией данности общности всех живых сородичей здесь и сейчас, вовлеченных в единую с этой точки зрения жизнедеятельность (изготовление инвентаря, охота, приготовление пищи, ритуальное действие и т. д.). Поэтому можно говорить об одном — повторяющемся долгое время тем же самым составом — «поколении», включающим в себя

сосуществование старшего, среднего и младшего возрастов. Они едины как прошедшие инициацию члены общины, практически воплощая собой (своим примером) модальности прошлого, настоящего, будущего, и тем самым исчерпывающие темпоральность. Заупокойный культ, ритуальное воспроизведение мифа, а затем и устная речь выраженная в ритуальных вербальных формулах транслировали лиминальные характеристики сознания и памяти как присутствующий горизонт иного мира. Пространственность образов памяти позволяла членам общины свидетельствовать и соучаствовать в событиях начала мира и деяниях первопродка. В памяти включающего в себя всех живых сородичей «поколения» не нужно было особо выделять и передавать какую-либо информацию о прошлых поколениях. В этой мнемической системе синхроническое основание поколения было неотделимо от генеративного воображения мифа, т. е. от потенциальной диахроничности воспоминания.

Первые шаги собственно складывания мнемических диспозиций поколения были подготовлены переменами в земледельческих сообществах неолита и энеолита с видами поселения на Ближнем Востоке («живые холмы», телли) и в Европе севернее Балкан. В последнем случае такие поселения были привязаны к земледельческому циклу от 30–40 до 60–80 лет и насчитывали 2–3 поколения [12, с. 63]. Ориентирами в организации пространства и времени выступали культовые центры городского поселения с мощным культурным слоем, либо в случае мигрирующей адаптации ранних земледельцев — т. н. «ронделлы» или «ротонды» в Центральной Европе [12, с. 87–93]. Мобильность экстенсивного земледелия и последующая иерархичность оседлого образа жизни земледельцев, как и миграции для скотоводов степных пространств выступали главными факторами развития памяти поколений. Можно предположить, что двумя сосуществующими моделями развития мнемической системы поколения были статичная «селективная» (последовательная смена горизонтов многослойных памятников, линейная преемственность поколений) и динамичная «синкретическая» (освоение новых горизонтов дальних межкультурных контактов, сложный тип межпоколенной связи). Вместе с углублением исторического взгляда в прошлое и с расширением информации о предшествовавших поколениях в эпоху архаики растет осознание исторической межпоколенной связи, формирование идентичности конкретного этноса и поколения. Генеалогия, в т. ч. и легендарная, — один из первых механизмов отслеживания и представления прошлых поколений родовым и племенным сознанием. И селективная, и синкретическая модели развития памяти поколения оперируют «праисторической ситуацией», ответственной за генезис этноса и апеллирующей к сакральному опыту мифического или религиозного порядка.

«Осевая эпоха» в истории создала предпосылки для следующего шага в развитии памяти поколения. К радикальным историческим переменам можно отнести основание государства, династии, масштабное завоевание, колонизацию, культурную экспансию на континенте, культурный переворот и т. д. Порожденные указанными событиями «всплески» («волны») памяти

и особые коммеморативные усилия в рамках специальной политики памяти, направленные на переосмысление прошлого, закрепляют начало нового поколения современников и наследников произошедшего сдвига в истории. Происходит изменение мнемо-археологического горизонта поколения, который становится устойчивым для нескольких последовательных поколений. С появлением письменности дальнейшее развитие получают мнемонические средства, осмысливается искусство памяти. Это получает отражение и в изменении принципа хронологии, развитии «политических» и «историографических» хронологических систем *ex ante* и *ex post* [13, с. 180–181]. Таким образом, мы сталкиваемся с группой поколений, чье значение и реализация берут начало от произошедшего события. Внутри этой группы поколений каждое из них определяется одним и тем же мнемическим источником.

Привычное для нас представление о поколении, отличном от других поколений по своим историческим задачам и установкам, применимо лишь к определенному историческому периоду, берущему начало в эпоху «переломного времени». Двадцатый век можно назвать веком поколений, — от «великого» и молчаливого поколений до поколения протеста, «бэби-бумеров», прагматического поколения и «миллениалов». Очевидность специфических характеристик поколений, несмотря на сконструированность этого объекта социального познания, подтверждается особенностью века минувшего, в котором исторические перемены по темпу выравниваются со сменой поколений. Это отражается и в динамичных изменениях мнемо-археологического горизонта. Однако в современном мире роль поколений как мнемических субъектов вновь начинает существенно меняться — она приобретает новые цивилизационные черты.

Чтобы прояснить связь между конституцией поколения и развитием цивилизаций обратимся к еще одной стороне теоретической модели поколения. Она включает в себя схему возрастных задач, среди которых можно выделить три ключевых, задающих предельные цели для жизненной реализации поколения. К ним можно отнести, во-первых, установление границ притязаний (горизонта экспектаций) и продолжение рода, т. е. задачи экстенсивного роста и умножения как выражение производящей силы нового поколения. Эта возрастная задача определяет первые периоды жизненного цикла поколений, включая т. н. «формативный период». Во-вторых, социальную реализацию представителей поколения, преобразующую их непосредственный опыт в социально значимой деятельности. Эта возрастная задача связана с выработкой социальной идеи и обоснованием властных притязаний поколения. Ее решение приходится преимущественно на средний возраст. Социальные достижения представителей поколения на этом периоде в большей степени зависят от рефлексивного, прагматичного начала, в отличие от роли поискового и игрового основания первой возрастной задачи и значения ценностного подхода — для третьей задачи поколения. Итоговой задачей жизненного пути поколения, определяющей социальную активность и коммуникацию людей

пожилого возраста, выступает этико-воспитательная деятельность и забота о благе других, т. е. цели, выходящие за границы индивидуальных интересов и своекорыстия поколения. Это возрастная задача достижения той или иной формы соразделения сознания и солидарности как таковых. Для любого поколения эти три задачи требуют своего последовательного решения и вместе с тем образуют единство.

Предлагаемое понимание конституции поколения, составляющих ее возрастных задач, задает более корректную базовую модель для цивилизационного разнообразия истории и перспективы общечеловеческой цивилизации. Вместо одной модели цикличности с периодами подъема и упадка мы получаем множество вариантов достижений цивилизационных задач по аналогии с возрастными задачами поколений. Речь идет прежде всего о первой и второй задаче, заключающихся в первоначальном импульсе развития цивилизации и в выработке ключевой концепции социума, религиозном и философском обосновании делегированной индивидом обществу власти. Цивилизации, успешно решавшие эти первые задачи, служили центрами притяжения для других обществ. Перспектива решения последней цивилизационной задачи, объединения всех народов в единую цивилизацию и обретения подлинной цивилизационной идентичности, объясняет не только сохранение великих цивилизаций древности и Нового времени, но и их совместную работу для достижения нового уровня социального развития. Важнейшей составляющей этого процесса выступает развитие социальной мнемической системы поколений, создающей пространство для синтеза культур и реализующей единство ценностно предельного действия индивидуума и освобожденного от фобий и одиночества социального организма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айерман Р. Культурная травма и коллективная память // Новое литературное обозрение. 2016. № 141. С. 40–67.
2. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
3. Баландье Ж. Политическая антропология. М.: Научный мир, 2001. 204 с.
4. Васильев А. Г. Воплощенная память: коммеморативный ритуал в социологии Э. Дюркгейма // Социологическое обозрение. 2014. Т. 13. № 2. С. 141–167.
5. Дахин А. В. Коллективная социально-историческая память: предпосылки становления целостной философской теории // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Т. 20. № 1. С. 105–118.
6. Дахин А. В., Сундуков Р. В. Объемлющий строй коллективной социальной памяти: философские основания мемо-политики в России // Социальное время. 2023. № 2. С. 28–33.
7. Жмудь Л. Я. Зарождение истории науки в античности. СПб.: РХГИ, 2002. 423 с.
8. Инголд Т. Родословная, поколение, субстанция, память, земля // Этнографическое обозрение. 2008. № 4. С. 79–85.

9. Люшер и др. Поколение, межпоколенческие отношения, межпоколенческая политика. Многоязыковой компендиум. Edition '17. 2017. С. 347–370.
10. Манхейм К. Проблема поколений // Манхейм К. Очерки по социологии знания. М.: ИНИОН, 2000. С. 8–63.
11. Олик Дж. Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11. № 1. С. 40–74.
12. Палагута И. В. Искусство Древней Европы: эпоха ранних земледельцев (VII–III тыс. до н. э.). СПб.: Изд-во СПбГУП, 2007. 336 с.
13. Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время. В поисках утраченного. М.: Языки русской культуры, 1997. 796 с.
14. Семенова В. В. Социальная динамика поколений: проблема и реальность. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. 271 с.
15. Фольграфф М. «Динамическая поляризация посредством восстановленного воспоминания»: энергетическая психоистория Аби Варбурга // Энергия: трансформация силы, метаморфозы понятия. Сборник под ред. И. Калинина, Ю. Мурашова, С. Штретлинг. М.: Новое литературное обозрение, 2022. С. 240–262.
16. Шуман Г., Скотт Дж. Коллективная память поколений // Социологические исследования. 1992. № 2. С. 47–60.
17. Энтони Д. Лошадь, колесо и язык. Как наездники бронзового века из евразийских степей сформировали современный мир. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. 672 с.
18. Corsten M. The time of generations // Time & Society. 1999. Т. 8. № 2. P. 249–272.
19. Lovell S. Introduction // Generations in twentieth-century Europe, ed. S. Lovell. New York: Palgrave Macmillan, 2007. Pp. 1–18.
20. Misztal B. A. Theories of social remembering. Philadelphia: Open University Press, 2003.
21. Nugin R., Kalmus V. Social generations and societal changes // In: The Routledge International Handbook of European Social Transformation. Routledge, 2018. Pp. 298–311.
22. Olick J. K., Robbins J. Social memory studies: from «collective memory» to the historical sociology of mnemonic practices // Annual Review of Sociology. 1998. Т. 24. Pp. 105–140.
23. Zerubavel E. Social memories: steps to a sociology of the past // Qualitative Sociology. 1996. Т. 19. № 3. Pp. 283–300.

REFERENCES

1. Aierman, R. *Kul'turnaia travma i kollektivnaia pamiat'* [Cultural Trauma and Collective Memory]. In: *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2016, no. 141, pp. 40–67. (In Russian).
2. Assman, Y. *Kul'turnaia pamiat': pis'mo, pamiat' o proshlom i politicheskaiia identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural Memory: Writing, Memory of the Past, and Political Identity in Ancient High Cultures]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury, 2004. 368 p. (In Russian).
3. Balandie, Zh. *Politicheskaiia antropologiiia* [Political Anthropology]. Moscow, Nauchnyi mir, 2001. 204 p. (In Russian).
4. Vasil'ev, A. G. *Voploshchennaia pamiat': kommemorativnyi ritual v sotsiologii E. Dyurkgeima* [Embodied Memory: Commemorative Ritual in É. Durkheim's Sociology]. In: *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 2014, vol. 13, no. 2, pp. 141–167. (In Russian).
5. Dakhin, A. V. *Kollektivnaia sotsial'no-istoricheskaiia pamiat': predposylki stanovleniia tselostnoi filosofskoi teorii* [Collective Socio-Historical Memory: Prerequisites for the Formation of an Integral Philosophical Theory]. In: *Uroven' zhizni naseleniia regionov Rossii*, 2024, vol. 20, no. 1, pp. 105–118. (In Russian).

6. Dakhin, A. V., Sundukov, R. V. *Ob'emliushchii stroi kollektivnoi sotsial'noi pamiat: filosofskie osnovaniia memo-politiki v Rossii* [Comprehensive Structure of Collective Social Memory: Philosophical Foundations of Memo-Politics in Russia]. In: *Sotsial'noe vremia*, 2023, no. 2, pp. 28–33. (In Russian).
7. Zhmud', L. Ia. *Zarozhdenie istorii nauki v antichnosti* [The Emergence of the History of Science in Antiquity]. Saint Petersburg, RCAH, 2002. 423 p. (In Russian).
8. Ingold, T. Rodoslovnaia, pokolenie, substantsiia, pamiat', zemlia [Genealogy, Generation, Substance, Memory, Land]. In: *Etnograficheskoe obozrenie*, 2008, no. 4, pp. 79–85. (In Russian).
9. Lusher, et al. *Pokolenie, mezhpokolencheskie otnosheniia, mezhpokolencheskaia politika. Mnogoiazychnyi kompendium* [Generation, Intergenerational Relations, Intergenerational Policy: Multilingual Compendium]. Edition '17, 2017, pp. 347–370. (In Russian).
10. Mannheim, K. *Problema pokolenii* [The Problem of Generations]. In: Mannheim, K. *Ocherki po sotsiologii znaniia* [Essays on the Sociology of Knowledge]. Moscow, INION, 2000, pp. 8–63. (In Russian).
11. Olik, J. *Figuratsii pamiat: protseso-reliatsionnaia metodologiya, illiustrirovaemaia na primere Germanii* [Figurations of Memory: Process-Relational Methodology Illustrated by Germany]. In: *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 2012, vol. 11, no. 1, pp. 40–74. (In Russian).
12. Palaguta, I. V. *Iskusstvo Drevnei Evropy: epokha rannikh zemledeltsev (VII–III tys. do n. e.)* [Art of Ancient Europe: The Era of Early Farmers (7th–3rd Millennium BCE)]. Saint Petersburg, SPbGUP Publ., 2007. 336 p. (In Russian).
13. Savel'eva, I. M., Poletaev, A. V. *Istoriia i vremia. V poiskakh utrachennogo* [History and Time: In Search of the Lost]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury, 1997. 796 p. (In Russian).
14. Semenova, V. V. *Sotsial'naia dinamika pokolenii: problema i real'nost'* [Social Dynamics of Generations: Problem and Reality]. Moscow, Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (ROSSPEN), 2009. 271 p. (In Russian).
15. Folgraff, M. “*Dinamicheskaiia poliarizatsiia posredstvom vosstanovlennogo vospominaniia*”: *energeticheskaiia psikhistoriia Abi Varburga* [“Dynamic Polarization Through Recovered Memory”: Energetic Psychohistory of Aby Warburg]. In: *Energia: transformatsiia sily, metamorfozy poniatiia* [Energy: Transformation of Force, Metamorphoses of the Concept], ed. I. Kalinina, Yu. Murashov, S. Shtretling. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2022, pp. 240–262. (In Russian).
16. Shuman, G., Scott, J. *Kollektivnaia pamiat' pokolenii* [Collective Memory of Generations]. In: *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 1992, no. 2, pp. 47–60. (In Russian).
17. Anthony, D. *Loshad', koleso i iazyk. Kak naezdnyki bronzovogo veka iz evrazijskikh stepei sformirovali sovremennyi mir* [The Horse, the Wheel, and Language: How Bronze Age Riders from the Eurasian Steppes Shaped the Modern World]. Moscow, Izdatel'skii dom Vyshei shkoly ekonomiki, 2023. 672 p. (In Russian).
18. Corsten, M. The Time of Generations. In: *Time & Society*, 1999, vol. 8, no. 2, pp. 249–272. (In English).
19. Lovell, S. Introduction. In: *Generations in Twentieth-Century Europe*, ed. S. Lovell. New York, Palgrave Macmillan, 2007, pp. 1–18. (In English).
20. Misztal, B. A. *Theories of Social Remembering*. Philadelphia, Open University Press, 2003. (In English).
21. Nugin, R., Kalmus, V. Social Generations and Societal Changes. In: *The Routledge International Handbook of European Social Transformation*. Routledge, 2018, pp. 298–311. (In English).
22. Olick, J. K., Robbins, J. Social Memory Studies: From “Collective Memory” to the Historical Sociology of Mnemonic Practices. In: *Annual Review of Sociology*, 1998, vol. 24, pp. 105–140. (In English).
23. Zerubavel, E. Social Memories: Steps to a Sociology of the Past. In: *Qualitative Sociology*, 1996, vol. 19, no. 3, pp. 283–300. (In English).